

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Лю Юнь
**«Творчество Юрия Казакова в литературном и интермедиальном
контексте»,**
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертационное сочинение Лю Юнь посвящено **актуальной** филологической задаче: определить специфику прозы Юрия Павловича Казакова, которая во многом обуславливается соотнесенностью в ней традиции, т.н. дальних и ближних литературных контекстов, с современными писателю интермедиальными практиками. Только литературный ряд, в котором, как следует из тщательно собранной соискательницей истории вопроса, не всегда позволяет понять и оценить художественное новаторство Казакова-прозаика, поскольку исследовательская традиция ставит писателя, и во-многом справедливо, в ряд продолжателя линии русской лирической прозы (Тургенева, Бунина и др.) — и только. Однако поэтика его «лирической» составляющей во многом связана с присутствием в прозе Казакова таких носителей эмоциональности, которые основаны на музыкальности или визуальности, что предполагает особую роль интермедиальности. В исследовании Лю Юнь предложена системная, то есть учитывающая взаимосвязь и взаимообусловленность разных начал, интерпретация прозы Казакова.

Структура диссертационной работы Лю Юнь обусловлена ее **целью** («определить, как особенное отношение Казакова к визуальному и музыкальному отразилось в тематике и поэтике его текстов» и «как эти особенности творчества Казакова предопределили его интермедиальную рецепцию», Дис., с. 11) и **задачами**, очень четко сформулированными во введении. Диссертация состоит из **четырех глав, введения, заключения,**

библиографии, насчитывающей 179 именований и **приложения**. Стоит особо отметить, что не только в приложении, но и в основном тексте диссертации представлены ценные архивные материалы, с которыми работала соискательница. Можно сказать, что в этой диссертации некоторые публицистические или сценарные работы Казакова впервые вводятся в научный оборот, что говорит о безусловной **новизне** исследования.

Первая глава («ЗРИМЫЙ МИР: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО В ПРОЗЕ Ю.П. КАЗАКОВА») посвящена **визуальности прозы Казакова**, она состоит из двух разделов. В первом разделе, в том числе с опорой на архивные источники, систематизированы высказывания Казакова о художниках (Писахове, Кенте, Тыко Вылке), которые воспринимались Казаковым в том числе и как писатели (с. 22 дис.): ср. характерное название статьи «Песнь человеку и природе» о Р. Кенте, что отражает его принципиальную эстетическую позицию, как справедливо полагает соискательница. Ценной является публикация неизвестных материалов Казакова о П. Пикассо и комментариев к ним, сделанный Лю Юнь, а также аккуратный анализ художественных воплощений людей искусства в прозе писателя («Адам и Ева», «Чудотворные мастера»).

Во втором разделе особое внимание уделено поэтике, рассчитывающей на зрительное восприятие читателя, причем, насколько можно судить по наблюдениям соискательницы над природой визуальности северных текстов Казакова, она не имеет прямого отношения к экфрасису. Будучи знатоком и любителем т.н. примитивной живописи, например, Тыко Вылки, Казакова нельзя назвать транслятором этой живописной манеры, хотя и без ее учета говорить о цветовой палитре прозы Казакова нельзя. На с. 37 диссертации, где проводится анализ цветowych эпитетов и феномена «размытости тонов» у Казакова, справедливо говорится об импрессионизме его прозы. Лю Юнь обращается здесь к традиции Паустовского, находя принципиальные отличия прозы Казакова, которая не стремится к символизации, но к выразительной точности. Это довольно убедительно доказывает Лю Юнь на том текстовом

материале, что приведен в ее диссертации. И здесь, видимо, читатель наблюдает такое следование Казакова традиции, которое предполагает нелинейный диалог с ней, в том числе с учетом новых живописных возможностей северного текста.

Первая глава завершается, впрочем, как и все последующие главы, четкими и информативными выводами, что свидетельствует о концептуальности самой работы.

Вторая глава («КАЗАКОВ И МУЗЫКА») посвящена музыке у Казакова, прежде всего роли джаза. Здесь поднимается очень важный вопрос о музыкальной составляющей в прозе писателя, который сам был не только профессиональным музыкантом, но и защитником и популяризатором, если так можно сказать, джазовой музыки. В главе привлекаются к исследованию архивные материалы круглого стола в защиту джаза, инициатором которого во многом был Казаков, разъясняется его позиция и его понимание специфики подобной музыки, которая неизменно входила в его художественные сочинения, отражаясь в разных пластах структуры текста. Это мог быть особый музыкальный топос, это мог быть музыкант как персонаж или слушатель как персонаж и наконец — собственно проблема музыкального экфрасиса.

И вот здесь возникают вопросы к соискательнице, потому что не совсем понятно, джазовая музыка, по своей сути импровизационная, как она работает в текстах Казакова — на реалистическую или же на импрессионистическую поэтику? Еще вопрос о музыкальном экфрасисе. Некоторые джазовые темы могут быть узнаваемы, но есть ли у Казакова такая принципиальная установка на узнаваемость? Должен ли «слышать» читатель Казакова какую-то определенную музыку? В литературе есть примеры определенных музыкальных мелодий (например, Крейцерова соната, или *Casta diva*), или же непонятных и неопределенных, но выраженных как раз в определенной эстетике (например, традиционно считается, что музыка Лемма в «Дворянском гнезде» Тургенева очень напоминает музыку Бетховена, хотя это

вопрос спорный). К какой в данном случае литературной традиции тяготеет Казаков? Ему важно воспроизвести джазовую мелодию или передать эмоцию, стилистически ее маркировав? Хотелось бы уточнений.

Третья глава («КАЗАКОВ КАК СЦЕНАРИСТ. ИНСЦЕНИРОВКИ И ЭКРАНИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЗАКОВА») посвящена сценариям самого Казакова, сценариям по сочинениям Казакова и экранизациям его сочинений. Можно согласиться с соискательницей в том, что собственно литературный сценарий, жанр, который сейчас выделяется современной наукой, обязательно стоит изучать филологу. И важная задача для историка литературы — определить характер трансформации одного жанра в другой, если мы имеем дело с переделкой собственных текстов Казаковым для кинематографа, например. Рассказ и сценарий соотнесены между собой, и один подчас помогает раскрыть смыслы другого. По крайней мере это убедительно доказывается в работе Лю Юнь, например, в случае с рассказом «Тэдди», где сценарий оказывается для Казакова не только и не столько переработкой, но и развитием собственной темы. В случае с текстом сценария «Маньки» не менее убедительно говорится о создании Казаковым принципиально нового текста по сравнению с рассказом, где как раз усиливается визуализация, то есть разворачиваются те тенденции, которые отличают и его художественную прозу. При анализе сценария «Великий самоед» акцент сделан на сложной организации этого текста, в котором литература оказывается в роли претекста, живопись — темой, а синтезом этого — кинематограф. Отмечается, однако, невозможность в фильме передать «цельность мира» (с. 89-90 дис.), что было важно для Казакова. В последнем разделе рассматриваются кинематографические и театральные адаптации прозы Казакова, здесь представлен и систематизирован очень ценный материал, связанный с ожиданиями, надеждами и опасениями Казакова в связи с «переводом» языка его прозы на язык медиа.

Четвертая глава («ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮРИЯ КАЗАКОВА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК») посвящена переводам сочинений

Казакова на китайский язык, которые помогают соискательнице еще раз подчеркнуть один из тезисов ее работы, который связан с синтетичностью и поэтичностью прозы писателя. Китайская традиция перевода, как показывает Лю Юнь, соотносит прозу Казакова с русской традицией лирической прозы (Тургенев, Паустовский), поскольку переводчик Фэй Цинь как бы и пришел к Казакову «через» переводы Паустовского и отчасти Тургенева, а также с традицией древней китайской поэзии. В целом глава важна и как репрезентация задачи понимания русской литературы со стороны соискательницы из Китая, и как пример усиления визуализации в китайской адаптации текстов Казакова, что соприродно самим этим текстам. То есть эта глава органично вписывается и работает на основную цель диссертации.

Диссертационное сочинение Лю Юнь представляет собой завершенное самостоятельное исследование, а указанные в ходе вопросы дискуссионного характера не умаляют его значимости. Диссертация написана хорошим языком, основные результаты работы отличаются **новизной** и нашли адекватное отражение в автореферате и статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Автореферат отвечает всем требованиям, информативен и отражает основное содержание диссертации. **Достоверность и обоснованность** результатов исследования обеспечивается личным вкладом Лю Юнь в систематизацию исследуемого литературного материала, в том числе никогда не публиковавшихся текстов Казакова, репрезентативностью выводов и корректностью методологических подходов. **Теоретическая значимость** исследования Лю Юнь заключается в выявлении конкретных механизмов интермедиальности в прозе Казакова. **Практическое значение** диссертации заключается в возможности использования ее наблюдений и выводов в педагогической деятельности, в лекциях и семинарах по русской литературе XX века, в том числе в рамках преподавания русской литературы и культуры китайским студентам.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Лю Юнь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

Беляева Ирина Анатольевна

03.06.2026

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы

Тел.: +7 (495) 939-26-04; e-mail: ruslit@philol.msu.ru